

К ПРОБЛЕМЕ УРОВНЕВОГО СТРОЕНИЯ СОЗНАНИЯ

Уровневое строение сознания, рефлексия, смысл, чувственный, обыденный и рефлексивный уровни сознания.

Со времени выхода работ З. Фрейда, показавшего, что на деятельность сознания активно влияют бессознательные процессы, изучение проблемы строения сознания приобрело не только теоретическую, но и практическую значимость. В философии и психологии сложилось устойчивое представление, что от уровня развития сознания личности зависит степень ее успешности в решении жизненно важных задач. Однако проблема состоит в том, что к настоящему времени исследователи по-разному определяют уровневую структуру сознания и приводят разные основания для выделения этих уровней.

В отечественной психологии наиболее известные попытки выделения уровней сознания связаны с именами С.Л. Рубинштейна и В.П. Зинченко. Оба этих автора в представлении о многоуровневости сознания исходили из идеи Фейербаха о существовании «сознания для сознания» и «сознания для бытия». Но если С.Л. Рубинштейн для выделения уровней в сознании использовал категорию «рефлексия», то В.П. Зинченко – категорию «смысл». В результате появились оригинальные и самодостаточные представления о строении сознания. Для Рубинштейна важно было показать способы взаимодействия человека с миром в зависимости от уровня развития сознания, а для Зинченко – выявить взаимосвязь уровней сознания в его деятельности.

Категории смысла и рефлексии традиционно рассматриваются в различных контекстах. Исключением является исследование И.Н. Семенова и С.Ю. Степанова [Семенов, Степанов, 1983, с. 35–42], где рефлексия соотносится с понятием «переосмысление». Эта последняя работа заставляет нас пристальнее взглянуть в эти категории и попытаться найти в них то содержание, которое позволило бы найти основание для их соединения при рассмотрении уровневого строения сознания. Отметим, что в толковании понятия «смысл» встречаются два противоположных представления. С одной стороны, смысл трактуется как субъективное отношение к предметам и явлениям, которые переживаются имеющими «значение-для-меня». Это прежде всего аффективно окрашенное отношение, хотя когнитивные компоненты в нем присутствуют. С другой стороны, смысл понимается просто как способ обозначения предмета. В этом случае понятия «смысл» и «значения» являются синонимами и не различаются по своему содержанию.

Психологи, определяя понятие «смысл», дифференцируют его от понятия «значение». А.Н. Леонтьев в работе «Проблемы развития психики» писал, что «значение представляет собою отражение действительности независимо от индивидуального личностного отношения к ней человека» [Леонтьев, 1965, с. 291]. В отличие от значений, смыслы не имеют своего «надындивидуального», своего «не психологического» существования. Если внешняя чувственность связывает в сознании субъекта значения с реальностью объективного мира, то личностный смысл связывает их с реальностью самой его жизни в этом мире, с ее мотивами. Личностный смысл и создает пристрастность человеческого сознания. По мнению Леонтьева, личностный смысл прямо не совпадает с понимаемым субъектом жизненным значением для него объективных обстоятельств. При определенных условиях несовпадение смыслов и значений в индивидуальном сознании может приобретать характер настоящей чуждости между ними, даже их противопоставленности (Леонтьев, 1975).

Для того чтобы снять противопоставление понятий значения и смысла, А.Н. Леонтьев и ввел понятие «личностный смысл», полагая, что введение этого понятия «позволяет преодо-

леть также и те психологические концепции, которые исходят из признания двух разных действующих друг на друга сфер. Одна – сфера сознательной мысли, сознания, другая – сфера потребностей и мотивов. Конечно, следует различать эти сферы. Они, однако, образуют единую структуру – внутреннюю структуру самого сознания» [Леонтьев, 1966, с. 11].

С.Л. Рубинштейн также говорил о взаимосвязи значений и смыслов. Он полагал, что фиксированные в языке обобщенные значения, отражающие общественный опыт, приобретают в контексте индивидуального сознания индивидуальное значение или смысл, отражающий личное отношение говорящего – не только его знания, но и его переживания в том неразрывном их единстве и взаимопроникновении, в котором они даны в сознании индивида [Рубинштейн, 2000, с. 382]. В этой связи уместно вспомнить, что, по мнению Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна и других авторов, смысл представляет собой диалектическое единство противоположностей: эмоций и интеллекта.

Воплощение смысла в значениях – это глубоко интимный, психологически содержательный, отнюдь не автоматически и одновременно происходящий процесс. Перевоплощение субъективных личностных смыслов в адекватные им значения, по существу, есть процесс осознания этих смыслов, а значит, изменение соотношения аффективного и когнитивного компонентов в сторону увеличения доли последнего. Таким образом, можно предположить, что развитие смысла в индивидуальном сознании будет проходить ряд этапов, что позволяет выделить его уровни. На первом уровне смысл выступает слитно со значениями. Аффективный и когнитивный компоненты здесь также недифференцированы. Однако в этой слитности имплицитно уже содержится их несовпадение, которое далее неизбежно приобретает и свои открытые, эксплицированные формы. На втором уровне смысл дифференцируется от значения, и в самом смысле увеличивается доля когнитивного компонента. Это приводит к тому, что смысл означивается, т. е. осознается. Анализ литературы не позволяет нам пока выделить другие уровни развития смысла в индивидуальном сознании человека.

Перейдем теперь к анализу понятия «рефлексия». В трудах представителей философской мысли XVII – XVIII веков (Дж. Локк, Б. Спиноза, Г. Лейбниц) рефлексия описывается феноменологически в двух ипостасях: 1) как источник знаний; 2) как наблюдение за деятельностью (или состоянием) души. Дальнейшее развитие понятие «рефлексия» получило в немецкой классической философии в трудах И. Канта, И. Фихте, И. Гегеля, где была подчеркнута анализирующая функция рефлексии, получения нового знания и поставлен вопрос о значении рефлексии в формировании личности человека.

Традиция изучения рефлексии в психологии сознания в нашей стране была заложена Л.С. Выготским и С.Л. Рубинштейном в 30–40-е годы. Следуя этой традиции, В.И. Слободчиков трактует психологическую рефлексию как выход из непосредственной поглощенности жизнью. Характеризуя суть рефлексии, он подчеркивает, что «... само понятие рефлексии означает всякое высвобождение сознания из любой поглощенности; различные уровни рефлексии есть ступени такого высвобождения; соответственно рефлектирующее сознание есть расширяющееся сознание; процесс рефлексирования есть некоторый путь установления человеком своего собственного способа существования, который не есть наперед или окончательно данный» [Слободчиков, 1987, с. 20].

Рассматривая вопрос о возникновении субъективной реальности, внутреннего мира человека, Слободчиков выделяет два психологических механизма: подражание (его функцией является установление связей с другими людьми) и рефлексию, «которая по самому своему существу всегда есть разрыв, раздвоение и выход за пределы любого непосредственно, автоматически текущего процесса или состояния» [Слободчиков, 1987, с. 18]. Эти два механизма работают сопряженно: связи, установленные путем подражания, рефлексией перестраиваются и превращаются в отношения к другим людям и самому себе. При этом «фундаментальными условиями начала рефлексии являются, во-первых, прекращения натуральности подражательной формы, полная остановка того процесса, который ее порождает (например,

прямым запретом, препятствием, неспособностью, непониманием и др.), во-вторых, фиксация того, что прекратилось в некоторой образцовой форме (например, «так было – так надо», «так можно – так нельзя», «так хорошо – так плохо» и др.) [Слободчиков, 1987, с. 19].

Проведенный выше анализ свидетельствует, что рефлексия, так же как и смысл, «не дает» сознанию в своей окончательной данности, она развивается, и уровни ее развития характеризуют уровни высвобождения сознания из «поглощенности жизнью».

Рассмотрев содержание понятий «смысл» и «рефлексия», обратимся к примерам использования этих категорий для выявления уровня строения сознания. Как уже говорилось, наиболее известные представления о многоуровневой структуре сознания принадлежат С.Л. Рубинштейну и В.П. Зинченко, которые исходили из идеи Фейербаха о существовании «сознания для сознания» и «сознания для бытия».

С.Л. Рубинштейн, описывая многоуровневость сознания в феербаховском понимании, подчеркивает принципиальное отличие его рефлексивного уровня от «арефлексивного». Он пишет, что существуют два основных способа существования человека и, соответственно, два отношения его к жизни. Первый – жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек: сначала отец и мать, затем подруги, учителя, затем муж, дети и т. д. Здесь человек весь внутри жизни, всякое его отношение – это отношение к отдельным явлениям, но не к жизни в целом. Отсутствие такого отношения к жизни в целом связано с тем, что человек не выключается из жизни, не может занять мысленно позицию вне ее для рефлексии над ней. Это есть существующее отношение к жизни, но не осознаваемое как таковое.

Второй способ существования связан с появлением рефлексии. Она как бы приостанавливает, прерывает этот непрерывный процесс жизни и выводит человека мысленно за ее пределы. Человек как бы занимает позицию вне ее. Это решающий, поворотный момент. Здесь кончается первый способ существования. Здесь начинается либо путь к душевной опустошенности, к нигилизму, к нравственному скептицизму, к цинизму, к моральному разложению (или в менее острых формах к моральной неустойчивости), либо другой путь – к построению нравственной человеческой жизни на новой, сознательной основе. С появлением рефлексии связано философское осмысление жизни.

Сознание выступает здесь как разрыв, как выход из полной поглощенности непосредственным процессом жизни для выработки соответствующего отношения к ней, занятия позиции над ней, вне ее для суждения о ней. С этого момента каждый поступок человека приобретает характер философского суждения о жизни, связанного с ним общего отношения к жизни. С этого момента, собственно, и встает проблема ответственности человека «в моральном плане, ответственности за все содеянное и все упущенное [Рубинштейн, 2003, с. 366–367].

Таким образом, фактически С.Л. Рубинштейн выделил два уровня сознания по основанию участия или неучастия рефлексии в жизни человека: «арефлексивный», основанный на непосредственных связях человека с миром, включенности в ситуации повседневного быта; и «рефлексивный», разрывающий непосредственные связи человека с действительностью, ставящий его над конкретными ситуациями и вне их.

В.П. Зинченко в работе «Миры сознания и структура сознания» [Зинченко, 1991, с. 15–36] также выделяет два уровня (слоя) сознания – бытийный и рефлексивный, хотя и настаивает на относительности их разделения. При этом основанием для выделения в сознании бытийного и рефлексивного слоев является уровень осмысления материала. Так, на бытийном уровне решаемые задачи практически всегда имеют смысл. Именно смысл актуализирует нужный в данный момент образ и нужную моторную программу. Такие ситуации не требуют осознания смысла, задачи по их решению осуществляются автоматически. Здесь в смысле доминирует аффективный компонент, означивания и осознания смысла не происходит.

На рефлексивном уровне необходимо осмыслить значение, извлечь уроки из осуществленной программы действия, взять ее на вооружение или отказаться от нее, начать искать новый смысл и в соответствии с ним строить программу нового действия. Такая работа требует осознания смысла. Здесь осмысление выступает синонимом осознания.

Таким образом, по мнению В.П. Зинченко, на бытийном уровне задачи имеют смысл, а на рефлексивном – осмысливаются, т. е. осознаются. Если на бытийном уровне рефлексия появляется в виде истоков, начал, зачатков, то на рефлексивном уровне она может выступать в своей развитой форме. При этом понятия рефлексии и смысла здесь разводятся. Только потенциально сознание может рефлексивно выйти за рамки своего мира. Однако механизмов выхода в «надмирную» позицию Зинченко не дает. Во всяком случае, осмысление значений не является таким механизмом.

Для соотнесения понятий осмысления и рефлексии обратимся к работе С.Ю. Степанова и И.Н. Семенова [Семенов, Степанов, 1983, с. 35–42], где авторы разводят понятия «осмысление» и «переосмысление» и связывают рефлексию не с осмыслением, а с переосмыслением. Осмысление имеет место в обычных стандартных условиях жизни в виде простого их осознания. Тогда как переосмысление происходит в проблемно-конфликтных ситуациях, когда человек обнаруживает в ситуации противоречия, которые при их осмыслении и порождают проблемность и конфликтность условий осуществления своего Я.

Таким образом, уровень сознания, содержащий значения и смыслы и обозначенный В.П. Зинченко как рефлексивный, с точки зрения С.Ю. Степанова и И.Н. Семенова, не обеспечивает включения рефлексии, а значит, и не может называться собственно рефлексивным. Осмысление значения можно трактовать как привнесение человеком субъективных аспектов в общественно выработанное понимание связей действительности, как «встраивание» какого-либо фрагмента действительности в собственную картину мира. Однако такое встраивание не предполагает, что вслед за этим человек обязательно выйдет за пределы своего непосредственного опыта – с чего, по мнению Гегеля, начинается рефлексия.

Проведенный анализ представлений С.Л. Рубинштейна, В.П. Зинченко, С.Ю. Степанова и И.Н. Семенова о строении сознания позволяет не только соотнести понятия «рефлексия» и «смысл». Необходимо признать, что, описывая только рефлексию и только смысл, мы не «схватываем» ту ситуацию, в которой оказывается личность каждый раз, когда она выстраивает новые связи и новые смыслы в момент выхода в рефлексивную позицию. Как представляется, эту проблему можно решить, если на основании соотнесения категорий «рефлексия» и «смысл» мы будем дифференцировать в сознании не два, а три уровня: чувственное, обыденное и рефлексивное сознание.

На первом (чувственном) уровне сознания смысл ситуации, действия обнаруживается в сознании человека автоматически и не нуждается в осознанности. Рефлексия здесь не возникает.

На втором уровне сознания возникает необходимость сложных осмысленных действий, осуществление которых невозможно без осознания (пусть и простого). В этом могут крыться зачатки, истоки рефлексии.

На третьем уровне смысл включается в сознание как переосмысление человеком своих действий, выявление их оснований – это не просто осознание своих действий, но рефлексия по их поводу. Смысл при этом, не лишаясь аффективной насыщенности, с каждым уровнем приобретает все большее когнитивное содержание, а рефлексивный уровень сознания возникает только при появлении рефлексии, что требует специальных усилий и поэтому в жизни человека появляется нечасто.

Такое представление о строении сознания сложилось у нас не только в результате теоретического анализа. На протяжении нескольких лет в курсе лекций по общей психологии при изучении темы «Сознание» проводился следующий эксперимент. Вызывались два студента, желающих принять участие в эксперименте, один из них временно удалялся из аудитории, а

второму предлагалось «научиться читать на латинском языке». На доске писались буквы латинского алфавита, а затем и бессмысленные слоги из этих букв, студенту же предлагалось громко произносить то, что было написано. При этом «латинская» буква *ч* писалась как русская буква ч. После того как студент начинал безошибочно произносить не только буквы, но и бессмысленные слоги в соответствии с правилами латинского языка (например, такие бессмысленные слоги, как *рин, тах, тук, чер* и т. п.), с доски стиралось все, что там было написано, и студент получал новую инструкцию: «А теперь громко читайте слова, которые я буду писать». На доске последовательно писались слова на русском языке – *почта, тарка, чех, чепуха*, но студент читал эти слова «по-латински», при этом слово *чепуха* у него звучало как «реникса».

Аудитория, в присутствии которой все это происходило, как правило, не возражала против такого прочтения, хотя в инструкции не сказано, что вновь написанные слова нужно читать «по-латински», более того, все, что было связано с латинским языком, стиралось с доски. Рефлексия у студентов включалась только после того, как в аудиторию приглашался временно удаленный студент, который, следуя просьбе прочитать слова, написанные на доске, произносил их по-русски.

Подчеркнем, что вся процедура «обучения латинскому языку» предполагала осознание студентами того, что делалось – они не находились в бессознательном состоянии. Напротив, они осознанно и осмысленно пытались запомнить, как они полагали, латинские звуки и буквы. И только после вмешательства в ситуацию временно удаленного участника эксперимента, студенты переосмысливали свои действия – начинали понимать, что по мере того как студент у доски читал предлагаемые ему буквы и слоги на «латинском языке», у него и у всей аудитории формировались связи, «устанавливаемые путем подражания» (Слободчиков). Эти связи разрывались только после того, как возвращенный в аудиторию студент читал написанные на доске слова по-русски. В реальности в это время все студенты не только начинали понимать основания своего поведения, но и отбрасывали старые смыслы, начинали по-новому относиться к себе и к ситуации, т. е. у них возникали новые смыслы. Фактически, они в этот момент с обыденного уровня сознания выходили на рефлексивный уровень и могли увидеть свои действия со стороны.

Таким образом, можно утверждать, что для описания уровневого строения сознания необходимо расширить сложившееся в психологической литературе представление и добавить к традиционно выделяемым двум уровням третий – собственно рефлексивный уровень сознания, на котором рефлексия и смысл объединяются, дополняют и обогащают друг друга, способствуют переосмыслению человеком ситуации и своих действий.

Библиографический список

1. Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15–36.
2. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1979.
3. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и сознание. XVIII Международный психологический конгресс. Симпозиум 13. М., 1966.
4. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1965.
5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000.
6. Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. С. 366–367.
7. Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Рефлексия в организации творческого мышления и саморазвития личности // Вопросы психологии. 1983. № 2. С. 35–42.
8. Слободчиков В.И. Становление рефлексивного сознания в раннем онтогенезе // Проблемы рефлексии: современные комплексные исследования. Новосибирск, 1987.